

**СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТЕОРИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

КУХТИН Михаил Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Донецкий национальный университет, адрес: 283001, ДНР, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24, e-mail: mikhail-kukhtin@yandex.ru

Аннотация. Цель работы – эмпирически выявить и теоретически осмыслить глобальные политические, экономические и культурные факторы, определяющие структуру и динамику современного российско-германского взаимодействия. Сегодня национальное государство испытывает двойное давление – со стороны международных институтов в широком смысле слова и стремительно меняющихся структур повседневности. Исследование основано на применении сравнительного и эмпирического методов, формализации и моделирования, а также на фундаментальных и прикладных достижениях теории международных отношений. Методология работы определяется задачами верификации существующих моделей глобализации. Автор показывает, что сегодня все основные парадигмы международных исследований признают наличие острых вызовов государственному суверенитету, хотя и по-разному интерпретируют их природу. С другой стороны, на локальном уровне постоянно идут процессы взаимопроникновения различных жизненных укладов.

В результате изучения проблемы на материале текущих германско-российских противоречий делается вывод, что сегодня любое двустороннее взаимодействие во многом определяется факторами, находящимися вне контроля его участников. Соответственно, наука должна формировать реалистичное видение национальной дипломатии и указывать пути ее конструктивной адаптации к новым международно-политическим условиям.

Ключевые слова: Россия, Германия, глобализация, международная система, геополитика, геоэкономика.

Для цит.: Кухтин М.М. Современные российско-германские отношения в контексте альтернативных теорий глобализации//Среднерусский вестник общественных наук. 2022.- Том 17.- №2. - С.29-41.

MODERN RUSSIAN-GERMAN RELATIONS IN THE CONTEXT
OF ALTERNATIVE THEORIES OF GLOBALIZATION

KUKHTIN M. M., Candidate of Political Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy, Donetsk National University (Donetsk, Donetsk National Republic), email: mikhail-kukhtin@yandex.ru.

Abstract. The purpose of the work is to empirically identify and theoretically comprehend the global political, economic and cultural factors that determine the structure and dynamics of modern Russian-German interaction. Today, the nation-state is under twofold pressure - from international institutions in the broadest sense of the word and from the rapidly changing structures of everyday life.

The research is based on the application of comparative and empirical methods, formalization and modeling, as well as on the fundamental and applied achievements of the theory of international relations. The methodology of work is determined by the tasks of verification of existing models of globalization.

The author shows that today all the main paradigms of international studies recognize the presence of acute challenges to state sovereignty, although they interpret their nature in different ways. On the other hand, processes of interpenetration of various lifestyles are constantly going on at the local level.

It is noted that in the modern world, many political and economic processes acquire a virtual dimension or even completely lose their geographic reference. It also calls into question traditional power structures and life patterns.

As a result of studying the problem on the material of the current German-Russian contradictions, it is concluded that today any bilateral interaction is largely determined by factors that are beyond the control of its participants. Accordingly, science should form a realistic vision of national diplomacy and indicate ways for its constructive adaptation to new international political conditions.

Keywords: Russia, Germany, globalization, international system, geopolitics, geoeconomics.

For citations: Kukhtin, M. M. (2022) *Modern Russian-German relations in the context of alternative theories of globalization*// *Central Russian Journal of Social Sciences*. Volume 17, Issue 2. P.29-41

ВВЕДЕНИЕ

Современные теории глобализации не только позволяют выделить ключевые параметры мирового политического процесса в целом, но и предлагают объяснительные модели для менее масштабных международных проблем. В частности, в терминах глобалистики можно анализировать структуру и динамику двусторонних отношений, вопросы регионального соперничества и сотрудничества. Сегодня национальное государство испытывает двоякое давление – со стороны международных институтов в широком смысле слова и стремительно меняющихся структур повседневности. Оно всё больше зависит от глобальной и региональной структуры международных отношений, от транснациональной арены и глобального экономического режима, от своей роли в международном обществе или мир-системе. Все основные парадигмы международных исследований признают вызовы государственному суверенитету, хотя и по-разному интерпретируют их природу. С другой стороны, на локальном уровне постоянно идут процессы взаимопроникновения различных жизненных укладов. Характеризуя два направления мировых социальных трансформаций, некоторые специалисты используют термин «глобализация» [4, С.54]. Существуют также концепции транснационального социального пространства и мирового общества риска, детерриториализации и глобального символического обмена [4]. Все они проливают свет на те или иные аспекты формирующегося миропорядка и создают нетривиальные контексты для обсуждения прикладных международно-политических вопросов.

Цель и задачи

Цель статьи – рассмотреть современные российско-германские отношения через призму основных теорий глобализации. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- дать обзор наиболее перспективных направлений в современной глобалистике;
- выделить и охарактеризовать основные структурные противоречия современных российско- германских отношений;
- связать выявленные проблемы с релевантными региональными и глобальными контекстами.

Методы

Ключевым для исследования является принцип историзма, применяемый на двух основных уровнях анализа. Во-первых, сами явления международной жизни (культурная глобализация, российско- германское взаимодействие и т. д.) имеют внутреннюю логику развития, изучение которой позволяет и объяснить их прошлое, и предсказать будущее. Во-вторых, научное исследование любого объекта имеет свою историю, которая, как правило, представляет собой смену парадигм, борьбу устоявшихся взглядов и новых подходов.

Эмпирический метод имеет приоритетное значение для любой науки, в рамках которой априорное моделирование либо оказывается непродуктивным, либо имеет узкие границы применимости и не поддается однозначной верификации. Всё это достаточно точно описывает современную ситуацию в сфере социальных исследований, которые часто остаются в границах сугубо индуктивной методологии.

Концепция социологии международных отношений отсылает сразу к двум интеллектуальным традициям. С одной стороны, здесь можно вспомнить об исследованиях Р. Арона, соединившего некоторые положения политического реализма с достижениями французской общественно-политической мысли. С другой – английские международники и продолжившие их дело американские конструктивисты разработали концепцию международного общества, призванную преодолеть крайности реалистической и идеалистической парадигм [8, С.100]. Поскольку в статье рассматриваются альтернативные модели культурной глобализации, ее методология тяготеет ко второму подходу.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО- ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Характерное для современной глобалистики «напряжение развития» поддерживается конкуренцией двух групп теорий, которые можно условно обозначить терминами «глобализация социальности» и «детерриториализация социального» [4, С.58]. В первом случае говорится о превращении мира в однородную (по базовым параметрам) систему, в которой, несмотря на все местные различия, фактически отсутствует возможность выбора социально-экономического уклада или жизненных форматов. Во втором – утверждается, что главное в современных глобальных трансформациях – не исчезновение барьеров в мировом пространстве, а освобождение многих социальных процессов от любой географической привязки. Дело не в том, что мир становится «единым местом», просто «мест» в традиционном смысле в нем почти не осталось.

Изложенные идеи проливают свет на ключевые аспекты современных российско- германских отношений. Текущие разногласия Москвы и Берлина нередко объясняют проблемами восприятия, культурно-историческими факторами, несходством социально-политических систем. Если верна теория Р. Робертсона, «глобальное сознание индивидов» [4, С.53]. уже присуще большей части человечества, а мышление мировых элит тем более подведено под единый стандарт, воплощенный в деятельности Давосского форума и других подобных институтов. Соответственно, никакой международный конфликт нельзя свести к ценностным расхождениям. Речь здесь идет, скорее, о перераспределении ресурсов в мире, где национальные границы становятся всё более прозрачными, а социальные (разделяющие классы и их части), напротив, во многих случаях проступают всё резче. В современной международной политике, ко-

нечно же, большую роль играет культурная повестка, однако она либо просто используется для продвижения иных интересов (сохранение существующих структур власти и собственности), либо отражает выросшую автономию «надстройки» в условиях формационного перехода [2, С.35].

Интересно, что ключевые теории международных отношений склонны в своих интерпретациях мировой политики абстрагироваться от ее национально-культурной обусловленности. Общая идея данных подходов состоит в том, что любое новое государство входит в уже сформировавшуюся международную систему, правила которой допускают лишь очень узкий диапазон приемлемого поведения. Если оно последовательно проводит культурно окрашенную внешнюю политику, это рано или поздно приводит его к конфликту с международным порядком и предсказуемой катастрофе. Природу глобального общества теоретики понимают по-разному, ставя во главу угла распределение возможностей, международные институты, разделение труда, нормы и идентичности либо какие-то иные факторы. Общим здесь является известный скепсис в отношении «политики ценностей» и связанных с ней представлений. Разумеется, культурологические интерпретации современных международных отношений вполне возможны, однако все они неизбежно приводят к изучению наднациональных мировоззренческих структур (глобальное сознание индивидов, международная классовая солидарность, транснациональная социокультурная унификация). Таким образом, ссылки на разницу в национальном менталитете в лучшем случае фиксируют второстепенные причины и превращенные формы международных конфликтов, а в худшем – придают исследованию в целом неверное направление.

Второе течение глобалистики – изучение «детерриториализации локального» – также оказывается весьма продуктивным в свете заявленной темы. Российско-германские отношения и сегодня нередко интерпретируют в духе старой континентальной геополитики, для которой ключевое значение имеют расширение и сокращение «жизненного пространства» государственного «организма». При таком подходе в конфликте Москвы и Берлина трудно усмотреть что-либо существенное сверх хрестоматийной борьбы атлантизма и евразийства, силовые линии которой проходят среди прочего через Арктику, «междуморье» и Закавказье. Все объяснения, полученные в рамках данного подхода, объединяет ориентация на вестфальскую модель национально-государственного суверенитета. Последняя далеко не всегда доказывала свою релевантность в современных конкретно-исторических условиях. Сегодня национальная мощь во многом зависит от колебаний биржевых индексов и развития цифровой экономики, от обеспечения информационной безопасности и потенциала «мягкой силы». Иными словами, в современном мире растет число проблем, которые государство не может решить в традиционной международно-политической логике, для которой ключевым фактором является контроль над территорией и населением. Более того, успешное расширение сферы

влияния может в итоге ухудшить положение страны на мировой арене, противопоставив ее интересы базовым трендам глобализации. Здесь можно вспомнить и рассуждения Р. Гилпина о перенапряжении гегемона [13], и концепцию геополитической позиции с отрицательной связностью [6, С. 709-712], не говоря уже о возможных последствиях санкционных и информационных войн. Наконец, согласно современным геоэкономическим воззрениям, сегодня защита национального суверенитета невозможна без инновационного развития, опережающего освоение «площадок преадаптации» – физических и гуманитарных технологий завтрашнего дня. Если данная задача не решена, страна может рассчитывать лишь на статус своеобразного филиала глобальной «предельной корпорации» [6, 722]. Сейчас нет ни одного государства, которое бы полностью соответствовало перечисленным требованиям. Соответственно, классический политический реализм может сделать лишь весьма ограниченный вклад в постижение новейшей истории международных отношений.

Изложенные соображения помогают объяснить некоторые особенности текущих российско-германских конфликтов. На украинском направлении обе стороны проявляют сдержанность, поскольку ни Москва, ни Берлин не готовы платить полную цену за ликвидацию крупнейшего очага нестабильности на Европейском континенте. Несмотря на все разногласия и взаимные претензии, «партнерство модернизации» сохраняет актуальность, поскольку его прекращение отрезало бы Россию и Германию от важных для них «площадок преадаптации». Наконец, обдумывая будущие внешнеполитические решения, оба государства должны учитывать целый ряд глобальных и региональных контекстов, которые нередко совсем не оставляют им выбора.

Российский эксперт А. Н. Чумаков отмечает, что логика глобализации имеет объективный характер, однако это нисколько не мешает отдельным центрам силы привязывать к ней свою субъективную повестку. Некоторые специалисты видят «в глобализации прежде всего борьбу интересов и целенаправленную деятельность отдельных кланов или государств, в том числе и ценой игнорирования интересов, а то и попрания законных прав других» [12, С.16]. Очевидно, следует найти баланс между двумя представленными точками зрения.

Член Российского совета по международным делам Д. В. Тренин дал интересный анализ внешних контекстов современных российско-германских отношений. В частности, «Северный поток – 2» оказался не только предметом двусторонней договоренности, но и масштабной международно-политической проблемой. Немецкому правительству пришлось приложить немало усилий, чтобы выполнить свои обязательства по проекту, вопреки американскому давлению и резкой критике, озвученной Польшей, Украиной и странами Балтии. С другой стороны, ранее именно Германия инициировала введение Евросоюзом антироссийских санкций, сохранив, впрочем, ряд важных каналов связи и диалоговых форматов.

Подводя итоги правления предыдущего немецкого правительства, эксперт пишет: «Из Москвы наследие Меркель выглядит так: она подтвердила атлантический выбор Германии, добилась для страны положения первой среди равных в Евросоюзе и дистанцировалась от России, но не утратила с ней контакта» [9]. Отдельно оговаривается, что данные выводы нельзя по умолчанию экстраполировать на новую немецкую администрацию [9]. Преемственность, надежность и предсказуемость, конечно же, остаются базовыми ценностями немецкой внешней политики, однако парламентские партии по-разному видят ее приоритеты, а вмешательство непредвиденных факторов никогда нельзя исключать.

Анализ Д. Тренина показывает, насколько важным является понимание общесистемных параметров при рассмотрении частного международно-политического вопроса. Впрочем, в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции всё чаще приходится слышать, что старая модель глобализации утратила актуальность, а миру предстоит период частичной фрагментации, сопровождаемой укреплением национально-государственного суверенитета. Комментируя сложившуюся ситуацию, политический обозреватель Ф. А. Лукьянов отмечает: «Закончилась экономическая и политическая глобализация, в рамках которой было возможно сочетать геополитическое соперничество и экономическое взаимодействие, а извлечению выгоды не мешало идейно-ценностное противостояние» [5]. Эксперт подчеркивает, что фрагментация не будет иметь тотального характера, однако переход к новому миропорядку будет отмечен острыми конфликтами и снижением общего уровня международной безопасности [5]. Действительно, временное торжество неолиберального проекта глобализации – это следствие американской победы в холодной войне. В эпоху У. Клинтона Вашингтон активно строил международную систему, отличительными чертами которой должны были стать идеологическая гомогенность и безоговорочное доминирование рыночных императивов в политической повестке. При следующей американской администрации стало ясно, что данным планам не суждено осуществиться, а после событий 2014 г. в экспертных кругах распространилась интеллектуальная мода на теории «новой холодной войны», некоторым из которых нельзя отказать в солидном научном фундаменте.

Изложенные соображения имеют самое непосредственное отношение к текущим немецко-германским конфликтам. Характеризуя наблюдаемый уровень двустороннего взаимодействия, отечественный исследователь А. В. Багай предпочитает говорить о «деградации диалоговых форматов» [1, С. 357]. Подытоживая исторический обзор за 2014–2019 гг., он констатирует: «На стороне Берлина полностью изменились исходные принципы, на основе которых немецкие дипломаты, политики и эксперты выстраивают взаимодействие с Москвой» [1, С.373]. При этом в 2005–2021 гг. в немецком политическом поле доминировала одна партия – Христианско-демократический союз. Преемственность во внешней и внутренней поли-

тике всегда принадлежала к числу основополагающих ценностей немецкого консерватизма, поэтому объяснение произошедших перемен представляет собой нетривиальную задачу. Внутреннее перерождение партии практически неизбежно отражается на ее рейтинге, если речь идет о политической системе, предусматривающей достаточно свободное волеизъявление граждан. Христианские демократы действительно переживают сегодня трудные времена, на последних выборах в бундестаг они получили всего 152 места (в 2017 г. – 200, в 2013 г. – 255). Впрочем, сложно сказать, чем именно вызваны данные неудачи: размыванием ценностного фундамента партии или ее непопулярными решениями, принятыми под давлением внешних обстоятельств. Вероятно, отчасти верны оба объяснения. После аварии на японской АЭС «Фукусима-1» Германия приняла решение постепенно отказаться от ядерной энергетики, причем ее правительство просчитало далеко не все долгосрочные последствия данного шага. Возможности «зеленой энергетики» были сильно переоценены, как и перспективы «партнерства модернизации». Украинский кризис явился тем самым «промежуточным ходом» на мировой шахматной доске, который непредсказуемо изменил и российско-немецкие отношения, и европейскую политику США, и позицию стран «спорного соседства», включая транзитеров стратегических ресурсов. Параллельно направляемые Вашингтоном ближневосточные события – от Туниса до Афганистана – вызывали всё новые миграционные волны, ставшие настоящим испытанием для Объединенной Европы. Наконец, последствия мирового экономического кризиса 2008 г. так и не удалось в полной мере преодолеть в рамках неолиберальной модели хозяйствования. Таким образом, христианские демократы не смогли реализовать некоторые ключевые пункты своей экономической повестки, укрепить национальную и европейскую безопасность, найти приемлемый баланс между атлантизмом и континентализмом. Из вышеизложенного следует, что перечисленные неудачи во многом обусловлены факторами, которые не может контролировать ни одно национальное государство, ни одна группа стран. Многие из приведенных соображений остаются релевантными, если рассматривать текущие разногласия Москвы и Берлина через призму российских интересов.

Современные гуманитарные науки активно используют различные теории экономической и политической глобализации для истолкования упомянутых проблем. Консерваторы, в отличие от либералов, видят в формирующейся системе глобального управления угрозу национальным интересам своих стран. По их мнению, кризис вестфальской модели государственного суверенитета чреват многочисленными социальными бедствиями. Позиция одного из лидеров американских консерваторов П. Дж. Бьюкенена хорошо иллюстрирует такой подход к актуальным проблемам современности. В частности, он настойчиво акцентирует ущерб, нанесенный американской экономике десятилетиями «свободной тор-

говли»: «*Завершение эпохи самодостаточности*. Зависимость страны от зарубежных поставок товаров первой необходимости и оружия, необходимого для защиты наших границ, неуклонно возрастает.

Утрата национального суверенитета. Бюрократы из ВТО заставляют нас переписывать американские законы с тем, чтобы они соответствовали правилам мировой торговли» [3, С.235]. Нетрудно применить сделанные экспертом выводы к «партнерству модернизации». Сегодня Россия и Германия находятся в созависимых экономических отношениях, которые не способствуют продуктивному политическому диалогу. Любой конфликт воспринимается обеими сторонами как угроза их коренным интересам (немецкой энергетической безопасности, российскому инновационному развитию и валютным доходам соответственно). В результате двустороннее взаимодействие сталкивается с препятствиями, которые давно и подробно исследованы в психологии. Если некий ресурс, контролируемый одним государством, является сверхценностью для другого, оно начинает крайне пристрастно оценивать любые действия партнера. Само восприятие ситуации как рискованной мешает принимать даже очевидные верные решения и легко приводит к конфронтации там, где объективные предпосылки для нее минимальны либо вовсе отсутствуют. Если добрая воля и здравый смысл всё же берут верх, вмешательство глобальных и региональных факторов двусторонних отношений тем не менее может нанести последним существенный ущерб.

Нередко приходится слышать, что бурное развитие международной торговли, информационно-коммуникационных и транспортных технологий в перспективе радикально уменьшает конфликтный потенциал мировой политики. Данная точка зрения, отражающая позитивную интерпретацию глобализации, неоднократно критиковалась сторонниками альтернативных подходов. По верному замечанию С. Хантингтона, «коммерческий либерализм» доказал свою несостоятельность уже с началом Первой мировой войны, а влияние экономической взаимозависимости на дело мира определяется целым рядом факторов, в том числе ожиданиями государств и массовой психологией. Вместе с тем актуализация культурной идентичности, «возвращение к корням» – типичный ответ самых разных сообществ на издержки «мирового объединения» [10, С.92-94]. Здесь не мешает вспомнить приведенную выше оценку теорий цивилизаций, данную постсоветским критическим марксизмом, однако нельзя не признать, что С. Хантингтон правильно описывает ряд международно-политических явлений, хотя и не всегда дает им убедительное объяснение.

Всё это проливает новый свет на заявленную тему. Чем хуже двусторонние отношения, тем больше громких заявлений о западных ценностях и Русском мире, о конфликте атлантизма и евразийства, о неолиберальной глобализации и новой многополярности. Оба государства

настойчиво апеллируют к духовным ценностям, отстаивая свои материальные интересы и свое неприятие тех или иных реалий мировой политики.

При этом отечественная исследовательница М. В. Хорольская резонно отмечает, что здесь не следует принимать за глобальную мировоззренческую несовместимость «различия доминирующих дискурсов (лево-либерального и так называемого консервативно-охранительного) и политической практики» [11]. Так называемые ценностные конфликты часто вращаются вокруг ситуационных, преходящих проблем либо маскируют разногласия иной природы, связанные с политическими, экономическими, военными вызовами и угрозами.

Впрочем, в исследованиях глобализации нередко берет верх альтернативная точка зрения, сторонники которой ставят во главу угла не материальные структуры производства и власти, а трансформации общественного сознания. Как полагает отечественный эксперт В. Д. Иванов, «этот перенос акцента на культуру, на процессы экспансии идей, символов, поведенческих образцов позволяет более адекватно интерпретировать современные процессы глобализации» [4, С.58]. Рассмотренные в цитируемой работе подходы обладают немалой эвристической ценностью. Их небезосновательно критикуют сторонники материалистических теорий общественного развития, к числу которых следует отнести не только классический марксизм с его ответвлениями и многие интеллектуальные традиции эпохи Просвещения, но и обе «большие парадигмы» современных международных исследований. Последний факт был подробно изучен в рамках конструктивистского подхода [14, Р.370-371]. Тем не менее культурологические модели глобализации побуждают экспертное сообщество активнее подвергать рефлексии неочевидные онтологические допущения, лежащие в основе материалистической социологии. Кроме того, даже некоторые марксисты признают, что базисная детерминация надстроечных явлений может до известной степени ослабевать в кризисные исторические периоды. Наконец, «экономика символов» представляется вполне жизнеспособной научной моделью. В ней производственные процессы будут регулироваться с помощью социокультурных механизмов, лежащих за пределами сугубо физической необходимости. Впрочем, о неизбежном конце «экономического человека» немало писали и до появления первых теорий постиндустриального общества [7, С.195-201].

Результаты

Новые глобальные контексты существенно модифицируют логику современных российско-германских отношений. Текущий восточноевропейский кризис еще раз подчеркнул актуальность инновационных стратегий информационного и гибридного противоборства. В современной международной политике грамотно выстроенные символические ряды нередко оказываются более эффективным инструментом давления, чем

конвенциональные вооружения. России необходимо извлекать уроки из культурологических моделей глобализации, чтобы лучше защищаться от информационных атак, оптимизировать коммуникацию с союзниками и партнерами и в перспективе занять лидирующие позиции в мировом производстве образов и смыслов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня успешность страны в большой степени зависит от ее геокультурного потенциала и умения его использовать. Глобализация заставила национальные государства конкурировать в сферах, которые ранее были надежно защищены от воздействия рыночных и им подобных механизмов. Сейчас каждое правительство борется за влияние на собственное население с целым рядом внешних субъектов, цели которых далеко не всегда соответствуют общепринятым моральным нормам, внутреннему и международному законодательству. Следовательно, имеет смысл говорить не только об информационной безопасности Российской Федерации, но и о ее геокультурной стратегии. Некоторые современные исследования глобализации дают представление о контексте, в котором разворачивается информационное взаимодействие государств, возникают и решаются проблемы восприятия, осуществляется перевод политических сообщений из одной культурно-исторической кодировки в другую.

Рассмотрев проблематику на материале российско-немецких отношений, решаются две взаимосвязанные задачи – разработка конкретных рекомендаций одновременно иллюстрирует возможности метода как такового.

Библиография/References:

1. Багай А.В. Российско-германские отношения «после Крыма»: от «Партнерства для модернизации» до деградации диалоговых форматов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 357 – 376.
2. Бузгалин А.В. Марксизм после «Капитала»: российский контекст. – М.: Культурная революция, 2017. – 48 с.
3. Бьюкенен П.Дж. Правые и не-правые // Philosophy. – М.: АСТ: Транзит-книга, 2006. – 346 с.
4. Иванов В.Д. Теоретические модели глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2007. – № 4. – С. 52 – 59.
5. Лукьянов Ф.А. Какие ошибки мировой политики стали очевидны в 2021 году // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakie-oshibki-mirovoy-politiki-stali-ochividny-v-2021-godu/?sphrase_id=87445317 (дата обращения: 13.01.2022).

6. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 700 – 731.

7. Ретинский С.Г. Постэкономизм и проблема отчуждения // Материалы Международной научной конференции «Духовное производство в эпоху позднего капитализма». – Донецк: ДонНТУ, 2020. – 413 с. – С. 195 – 201.

8. Сафронова О.В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2004. – Вып. 1 (2). – С. 99 – 105.

9. Тренин Д.В. Наследие Меркель. Как канцлер изменила отношения Германии и России // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nasledie-merkel-kak-kantsler-izmenila-otnosheniya-germanii-i-rossii/?sphrase_id=87353906 (дата обращения: 08.01.2022).

10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. под общ. ред. К. Королева. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

11. Хорольская М.В. Российско-германские отношения: матрешка кризисов // Независимая газета. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-09-20/9_7968_germany.html (дата обращения: 13.12.2020).

12. Чумаков А.Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. – 2008. – №1. – С. 7 – 16.

13. Gilpin R. War and Change in World Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 272 p.

14. Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

1. Bagai, A.V. Rossiisko-germanskie otnosheniia «posle Kryma»: ot «Partnerstva dlia modernizatsii» do degradatsii dialogovykh formatov [Russian-German relations "after the Crimea": from the "partnership for modernization" to the degradation of dialogue formats] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniia [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations]. – St. Petersburg: St. Petersburg State University. – Vol. 12, Issue 3. – P. 357-376. (In Russ.)

2. Buzgalin, A.V. (2017) Marksizm posle «Kapitala»: rossiiskii kontekst [Marxism after "The Capital": the Russian Context]. – М.: Kul'turnaia revoliutsiia. – 48 p. (In Russ.)

3. Buchanan, P.J. (2006) Pravye i ne-pravye [Where the Right Went Wrong] // Philosophy. – М.: AST: Tranzitkniga. – 346 p. (In Russ.)

4. Ivanov, V.D. (2007) Teoreticheskie modeli globalizatsii [Theoretical Models of Globalization] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya.

Mezhdunarodnye otnosheniia [Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations]. – № 4. – P. 52-59. (In Russ.)

5. Luk'ianov, F.A. Kakie oshibki mirovoi politiki stali ochevidny v 2021 godu [What Mistakes in World Politics Became Evident in 2021] // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakie-oshibki-mirovoy-politiki-stali-ochividny-v-2021-godu/?sphrase_id=87445317 (accessed on: 13.01.2022). (In Russ.)

6. Pereslegin, S.B. (2003) Samouchitel' igry na «mirovoy shakhmatnoi doske»: zakony geopolitiki [The Manual for Playing at the “World Chessboard”: the Laws of Geopolitics] // Klassika geopolitiki. XX vek [Classics of Geopolitics. XX Century]. – M.: AST. – P. 700-731. (In Russ.)

7. Retinskii, S.G. (2020) Postekonomizm i problema otchuzhdeniia [Post-economism and the Problem of Alienation] // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dukhovnoe proizvodstvo v epokhu pozdnego kapitalizma» [Transactions of the International Scientific Conference “Spiritual Production in the Age of Late Capitalism”]. – Donetsk: DonNTU. – 413 p. – P. 195-201. (In Russ.)

8. Safronova, O.V. (2004) K voprosu o genealogii konstruktivizma v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [On the Genealogy of Constructivism in the Theory of International Relations] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Mezhdunarodnye otnosheniia. Politologiya. Regionovedenie [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. International Relations. Political Science. Regional Studies]. – Nizhny Novgorod: National Research State N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. – Issue 1 (2). – P. 99-105. (In Russ.)

9. Trenin, D.V. Nasledie Merkel'. Kak kantsler izmenila otnosheniia Germanii i Rossii [Merkel's Legacy. How the Chancellor Changed the Relations between Germany and Russia] // Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam [Russian International Affairs Council]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/nasledie-merkel-kak-kantsler-izmenila-otnosheniya-germanii-i-rossii/?sphrase_id=87353906 (accessed on: 08.01.2022). (In Russ.)

10. Huntington, S. (2003) Stolknovenie tsivilizatsii [The Clash of Civilizations]/ transl. ed. by K. Korolev. – M.: AST. – 603 p. (In Russ.)

11. Khorol'skaia, M.V. Rossiisko-germskie otnosheniia: matreshka krizisov [Russian-German Relations: A Nesting Doll of Crises] // Nezavisimaia gazeta [Independent Newspaper]. – URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2020-09-20/9_7968_germany.html (accessed on: 13.12.2020). (In Russ.)

12. Chumakov, A.N. (2008) O predmete i granitsakh globalistiki [On the Subject and Boundaries of Global Studies] // Vek globalizatsii [Age of Globalization]. – №1. – P. 7-16. (In Russ.)